

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

Мария Некрасова

Поезд теней
Чужая душа

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

86

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н48

Разработка дизайна обложки
Бориса Протопопова

Некрасова, Мария Евгеньевна.

Н48 Большая книга ужасов 86 / Мария Некрасова. — Москва : Эксмо, 2022. — 464 с. — (Большая книга ужасов).

ISBN 978-5-04-119458-1

Мы привыкли считать окружающую реальность незыблемой. Верить в могущество разума и современных технологий. В то, что знаем об этом мире достаточно... Но древнее зло, веками обитавшее рядом с людьми, никуда не делось.

Призраки, считающие свою гибель несправедливой, жаждут крови и мести. Хищные твари, известные ещё со времён Древнего Рима, ищут случай, чтобы вселиться в человека, подчинить себе его душу и заставить совершать страшные поступки...

Сумеют ли герои книги справиться со сверхъестественным злом?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мария Некрасова, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-119458-1

Поезд теней

Пролог

Когда я заметила пожар, смотреть было уже не на что. Там и до пожара стояла лишь крошечная сараюха для лопат и прочего инструмента — наверное, метр на два, не больше. А сейчас она уже догорала, последними огненными рывками пытаясь дотянуться то до сосен, то до Катьки, которая всё никак не могла запустить огнетушитель.

— Зачётно польхает! — Лысый заворожённо смотрел на огонь, я буквально видела язычки пламени в его глазах.

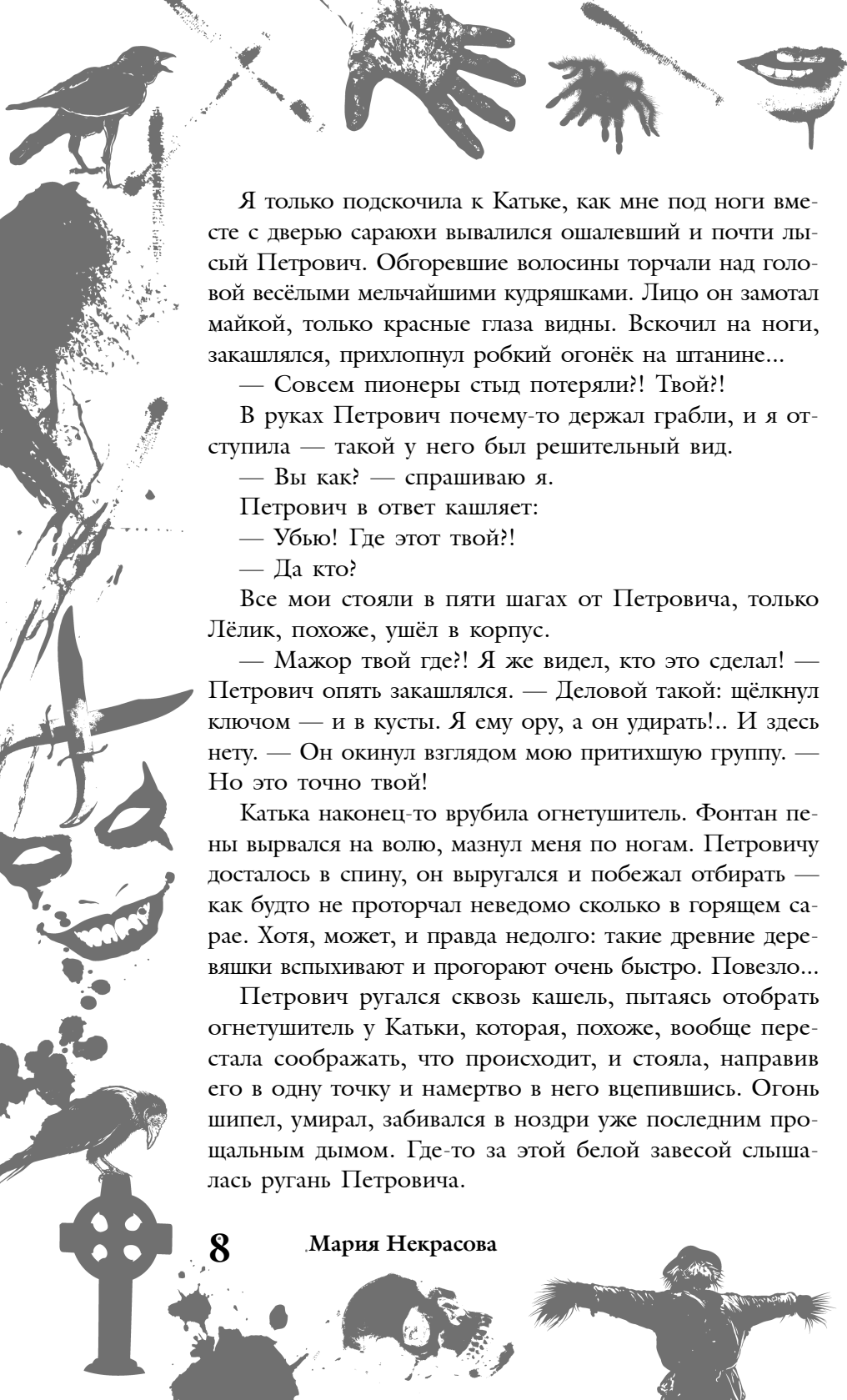
— Ничего особенного.

У Семьиной всегда ничего особенного.

— Так, посмотрели — марш в корпус! Давайте-давайте отсюда! — Не хватало ещё, чтобы они у меня угорели. Я развернулась, чтобы увести детей, и они даже сделали несколько шагов в нужную сторону, но за спиной у меня что-то грохнуло, и за шиворот прилетел сноп искр.

Крыша. Теперь она лежала под сараем аккуратной кучкой горелых досок. Доски хрустели под огнём, от сарая летели искры, дверь и навесной замок на ней ходили ходуном, как будто кто-то ломился изнутри!

— Кыш в корпус, кому сказала!

Я только подскочила к Катьке, как мне под ноги вместе с дверью сараюхи вывалился ошалевший и почти лысый Петрович. Обгоревшие волосины торчали над головой весёлыми мельчайшими кудряшками. Лицо он замотал майкой, только красные глаза видны. Вскочил на ноги, закашлялся, прихлопнул робкий огонёк на штанине...

— Совсем пионеры стыд потеряли?! Твой?!

В руках Петрович почему-то держал грабли, и я отступила — такой у него был решительный вид.

— Вы как? — спрашиваю я.

Петрович в ответ кашляет:

— Убью! Где этот твой?!

— Да кто?

Все мои стояли в пяти шагах от Петровича, только Лёлик, похоже, ушёл в корпус.

— Мажор твой где?! Я же видел, кто это сделал! — Петрович опять закашлялся. — Деловой такой: щёлкнул ключом — и в кусты. Я ему ору, а он удирать!.. И здесь нету. — Он окинул взглядом мою притихшую группу. — Но это точно твой!

Катька наконец-то врубила огнетушитель. Фонтан пены вырвался на волю, мазнул меня по ногам. Петровичу досталось в спину, он выругался и побежал отбирать — как будто не проторчал неведомо сколько в горящем сарае. Хотя, может, и правда недолго: такие древние деревянные вспыхивают и прогорают очень быстро. Повезло...

Петрович ругался сквозь кашель, пытаясь отобрать огнетушитель у Катьки, которая, похоже, вообще перестала соображать, что происходит, и стояла, направив его в одну точку и намертво в него вцепившись. Огонь шипел, умирал, забивался в ноздри уже последним прощальным дымом. Где-то за этой белой завесой слышалась ругань Петровича.

— Вот теперь здесь точно нечего смотреть, — говорю своим. — И точно нечего слушать!

Первоклашки протестующе загудели, но я была непреклонна. Развернулась и повела их в сторону корпуса, где в окне торчала изумлённая физиономия Лёлика. Первое, что он сказал, когда мы вошли в спальню мальчишек:

— Я его не поджигал — только запер!

Петрович и Катька за окном мелькали в дыму. В корпус тоже натянуло, но не слишком. Дети прилипли к окнам, обсуждая, потушат или нет, а я отчитывала Лёлика:

— Господи, зачем?! Зачем ты его запер?!

— Смешно же...

Лысый и Паша хором хрюкнули и даже оторвались от окна.

— Петрович нас уже отругал, Ляльвгенъна! Не называйте Лёху.

— Ещё как накажу! Вот позвоню сейчас его отцу...

— Не надо! — возразил Лысый. — Он крутой: он вас уволит, а лагерь закроет, вот он какой.

Все семилетки любят хвастаться, а вот отвечать за свои поступки...

— Это тебе Лёша сказал?

— Это правда!

— Так! — Я встала. Катька за окном отряхивалась и брела в сторону корпуса. Последний умирающий дымок стелился по земле, я уже всё прекрасно видела. Петрович с граблями сносил остатки сарая и смешно отскакивал, чтобы не получить по голове горелой доской. Вроде бы он был в порядке — только кашлял так, что у нас было слышно. — Сейчас придёт Катя, я оставлю вас на неё, а с тобой мы пойдём к директору, ясно? Мне не важно, кто там твой отец, ты сильно провинился... погоди, а кто тогда поджжёт-то?

Лёлик пожал плечами. Вошла Катька, первым делом схватила бутылку с водой и из горлышка сделала несколько больших глотков. Я сказала, что веду Лёлика к директору, она только угукнула и продолжила пить.

* * *

Когда мы вышли, у сарая уже водил хороводы весь персонал: кто-то разгребал доски, кто-то засыпал пепелище, и все громко обсуждали случившееся. Хурма-директриса была там же и громко убеждала Петровича:

— Идите в медпункт, вы мне дороги как память. Здесь достаточно работников, идите!

— Я чё, девочка — по медпунктам разлёживаться... — Тут он увидел нас и завопил на весь лагерь: — Вот же он, Екатерина Вадимовна! Говорю ж этот... из десятой группы! — Он прибавил, какой именно, Хурма дёрнула бровью, я хрюкнула и мысленно записала это выражение. Даже успокоилась немного: Петрович точно в порядке.

Лёлик обиженно дёрнулся в сторону корпуса, но я удержала.

— Откуда вы знаете?

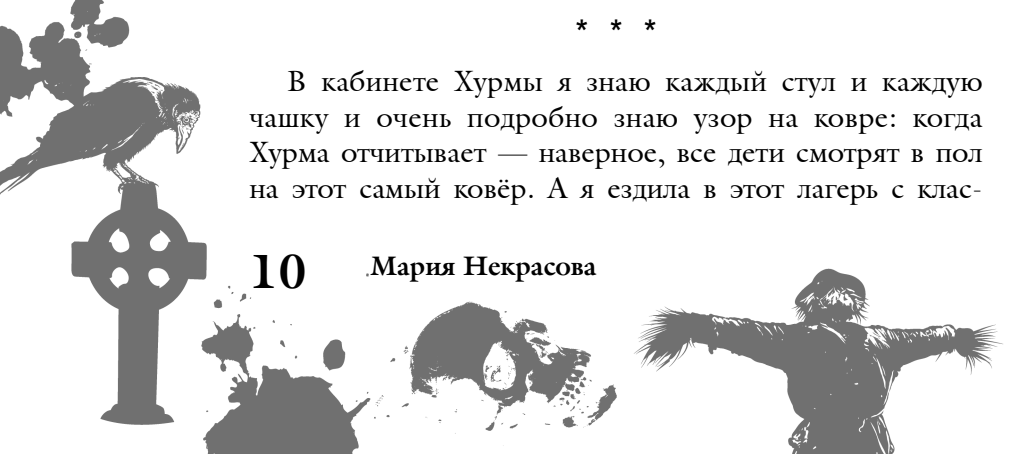
— В щель видел. Ты что думаешь, шкет: можно просто так запереть?!

— Разберёмся. Всё-таки сходите в медпункт, — отрезала Хурма и повела нас подальше от пожарища.

Наши с Катей первоклашки ещё торчали у окон.

* * *

В кабинете Хурмы я знаю каждый стул и каждую чашку и очень подробно знаю узор на ковре: когда Хурма отчитывает — наверное, все дети смотрят в пол на этот самый ковёр. А я ездила в этот лагерь с клас-

сом столько, сколько проучилась в школе, да и в то лето должна была отдыхать со своими одноклассниками в первой группе, а не работать воспитаткой у малышей. Но всё пошло наперекосяк.

Хурма — она и в школе у нас директриса — всю весну бегала за мной по этой самой школе, требуя денег на путёвку в лагерь: их же надо заранее заказывать. А я всю весну бегала от Хурмы, потому что... Нет, деньги дома были. Просто родителям было настолько не до меня, что любой мой вяк, хоть про лагерь, хоть про который час, тонул в коротком «Отстань!» — ну это если я вообще видела родителей. Чаше не видела. Отец ушёл совсем, а мать пропадала на трёх работах. Мне казалось, что я живу одна с кошкой.

В общем, когда Хурма узнала, она предложила мне эту работу в летнем лагере, перед этим как школьников отчитав по телефону моих родителей (секретарша дала мне подслушать под дверью, хотя, наверное, это непедагогично, но мне от этого звонка стало легче). Конечно, мне не дали должность воспитателя — по бумагам я помощник или вообще волонтер. Но я поехала в лагерь, как и хотела... Но не как всегда! Честно говоря, к такому я не была готова. Хотя кто вообще готов, например, к пожару?! И это очень странно: быть взрослой там, где всю жизнь была ребёнком.

Смешно, но это из-за Хурмы дети зовут меня «Ляля Евгеньевна». Я поправляю: «Меня зовут Ольга» — и наткнулась на полное непонимание: «Какая ещё Ольга? Екатерина Вадимовна зовёт вас «Ляля... Евгеньевна». А она правда так зовёт! При детях лепит по привычке моё школьное детское имя — но тут же, конечно, спохватывается (это же помощник воспитателя, дети же слышат!) и быстро добавляет отчество. Выходит, Хурме тоже очень странно считать меня взрослой.

* * *

Пока Хурма звонила Лёликову отцу, я заварила чай — это часть ритуала в её кабинете. Наша директорша не образец демократии, но чаю со своим фирменным вареньем предложит всегда, даже если планирует вылить его тебе за шиворот. К тому же сейчас, после этого всего, я правда заслуживаю хорошую чашку чая с тонной сахара и блюдцем варенья. ...А бедняга Петрович ещё разгребает мусор во дворе.

Зато Лёлик особо не переживал: сидел себе на стульчике, жевал конфеты, время от времени поднимая голову, чтобы послушать телефонный разговор. Хурма говорила мало, в основном слушала, и я пыталась понять по её непроницаемому лицу, что ей говорят на том конце провода. Когда она положила трубку, мы с Лёликом уже выпили по полчашки. Хурма рассеяно глотнула из своей (остыл) и задала вопрос, так меня мучивший:

— А кто поджжёт-то?

Лёлик с набитым ртом только помотал головой, но Хурма как будто не заметила:

— А где зажигалку взял?

— Нашёл.

Я чуть не поперхнулась, но надо учиться держать лицо. Я здесь не ребёнок, я здесь почти воспиталка. Не, ну надо же, а! А Хурма и бровью не повела:

— Показывай.

Лёлик с готовностью выложил на стол новенькую «зипшо».

— Петровича, — оценила Хурма. — Лёша, ты вообще способен думать о последствиях?

— Я нечаянно! Я только чиркнул, а там сухая трава...

— Похоже на правду, — вступилась я, и Хурме это не понравилось:

— Идите, Ляля Евгеньевна, нам тут надо много чего обсудить.

Обсуждали они недолго. Лёлик догнал меня у пожараща, где ещё возились технички с Петровичем, растолкал всех и с невинным видом протянул Петровичу зажигалку:

— Простите меня, пожалуйста, это ваше. Я не хотел вас убивать.

Петрович у нас охранник и немножко завхоз, я не ждала от него педагогических изысков. И правильно: он вцепился Лёлику в ухо и принялся драть, ругаясь, как положено охраннику и немножко завхозу. Лёлик визжал, Петрович ругался громче...

...А вечером уволили Катку! Формально за то, что воспитатель недоглядел и ребёнок устроил пожар, который чудом обошёлся без жертв. И вроде правильно — но нет. И совсем не похоже на нашу справедливую Хурму. Уже позже, в приватном разговоре, она мне объяснила, что отец Лёлика крутой не крутой, а наш арендодатель, в смысле лагеря. И да: у него свои взгляды на то, как воспитывать детей. Другого папашу Хурма сумела бы урезонить, но с этим приходится считаться. Узнав, что сын чуть не убил охранника, он наехал на воспитателя: где была, почему недосмотрела... Вот Хурма ему навстречу и пошла.

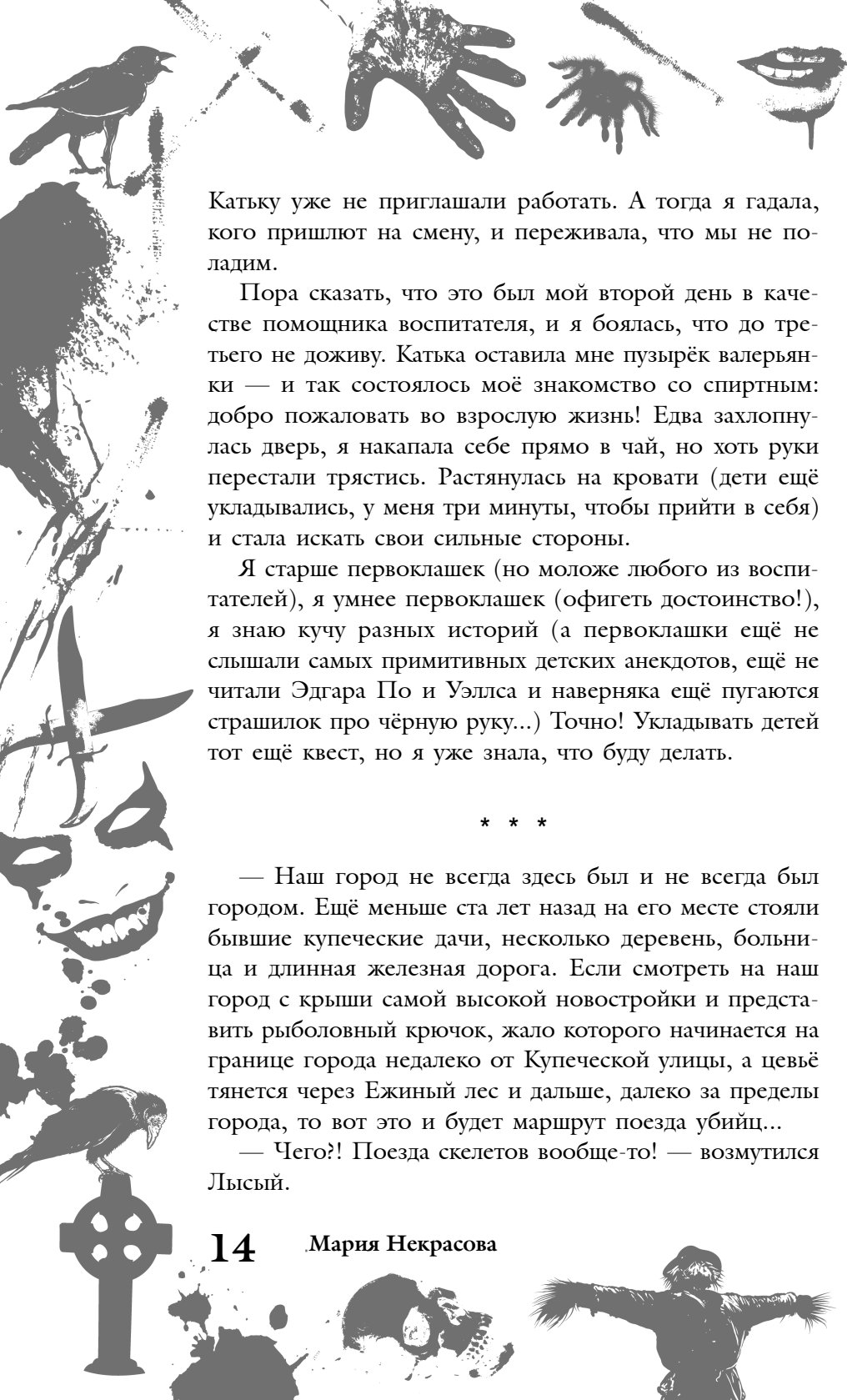
* * *

Катка редела, бросала шмотки в рюкзак, свободной рукой что-то сточа в телефоне.

— Замена утром придёт, — это она мне. — Хурма зайдёт через часик тебя проведать. Ночь продержишься?

Я обещала. Это было, наверное, моё самое короткое знакомство в лагере: ни на следующий год, ни после

Катку уже не приглашали работать. А тогда я гадала, кого пришлют на смену, и переживала, что мы не поладим.

Пора сказать, что это был мой второй день в качестве помощника воспитателя, и я боялась, что до третьего не доживу. Катка оставила мне пузырёк валерьянки — и так состоялось моё знакомство со спиртным: добро пожаловать во взрослую жизнь! Едва захлопнулась дверь, я накапала себе прямо в чай, но хоть руки перестали трястись. Растянулась на кровати (дети ещё укладывались, у меня три минуты, чтобы прийти в себя) и стала искать свои сильные стороны.

Я старше первоклашек (но моложе любого из воспитателей), я умнее первоклашек (офигеть достоинство!), я знаю кучу разных историй (а первоклашки ещё не слышали самых примитивных детских анекдотов, ещё не читали Эдгара По и Уэллса и наверняка ещё пугаются страшилок про чёрную руку...) Точно! Укладывать детей тот ещё квест, но я уже знала, что буду делать.

* * *

— Наш город не всегда здесь был и не всегда был городом. Ещё меньше ста лет назад на его месте стояли бывшие купеческие дачи, несколько деревень, больница и длинная железная дорога. Если смотреть на наш город с крыши самой высокой новостройки и представить рыболовный крючок, жало которого начинается на границе города недалеко от Купеческой улицы, а цевьё тянется через Ежиный лес и дальше, далеко за пределы города, то вот это и будет маршрут поезда убийц...

— Чего?! Поезда скелетов вообще-то! — возмутился Лысый.

— Вообще-то не перебивай, — говорю. — Впрочем, может быть, кто-то захочет послушать про скелетов?

Толстый и Влад замотали головами, из соседней комнаты протестуяще загудели девчонки. Я сидела на табуретке в дверном проёме между палатой девочек и палатой мальчиков, чтобы меня все слышали, а я их всех видела.

— Я тоже слышал про скелетов, — добавил Профессор. — Но по-моему, это сказки. Как они без мышц убивать-то будут? Ни руки не поднять, ничего.

Все засмеялись, Лысый был посрамлён. Лёлик молча сверлил меня глазами, я даже поёрзала: нет ли на стуле кнопки?

— Так вот, если смотреть на город с высоты, ночью, в определённый день, можно увидеть, как идёт этот поезд. Сначала медленно, медленнее пешехода, может показаться, что он стоит на месте. Но постепенно он разгоняется. Через дома, через проспекты, по несуществующим давно рельсам, он проходит через весь город со всеми остановками. И на каждой остановке кто-нибудь умирает.

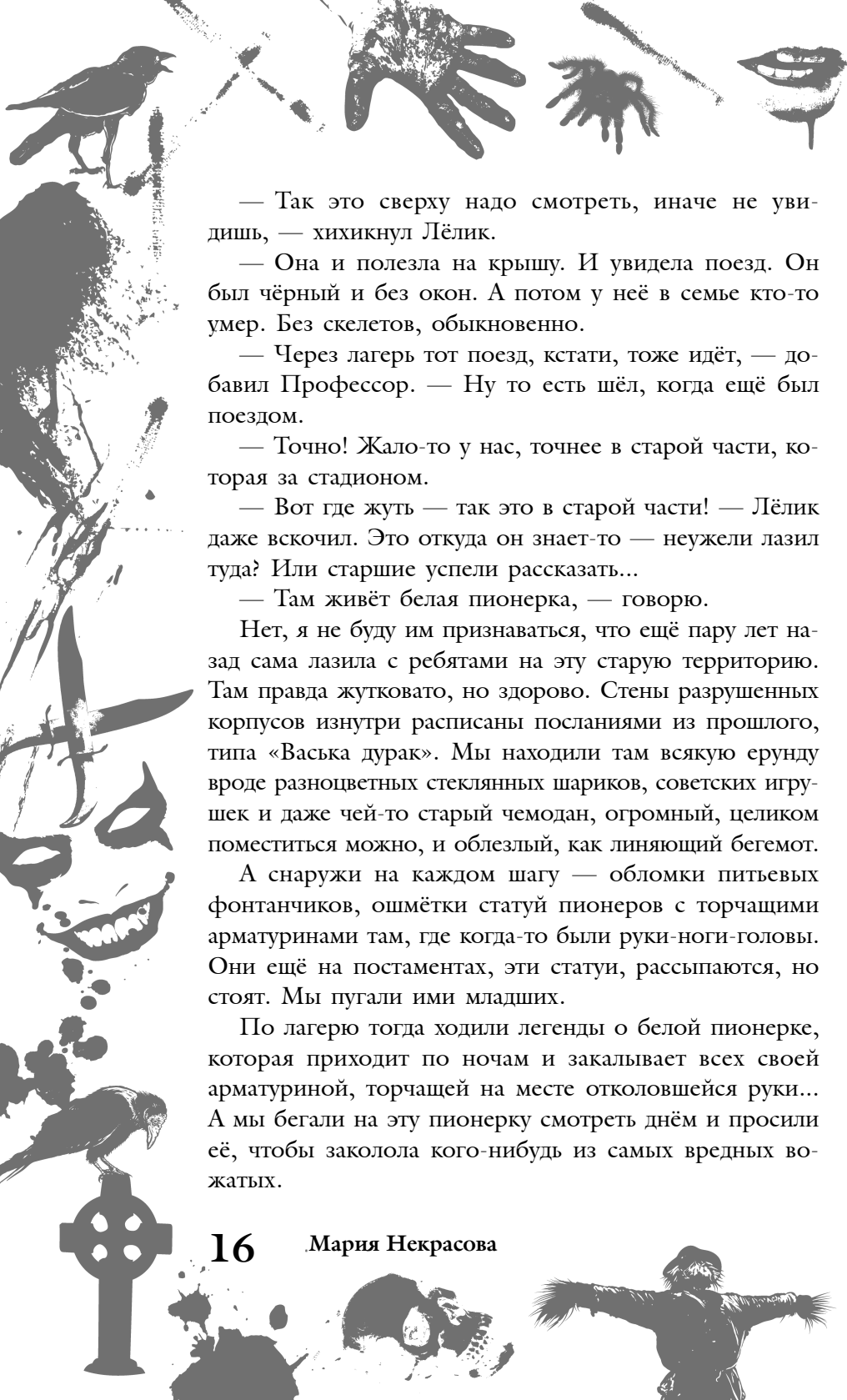
— Кто?

— Кто нечаянно оказался рядом. Житель дома, построенного на бывшей станции, просто прохожий, который оказался в ненужном месте в ненужное время...

— А я говорю — скелеты! — не унимался Лысый. Один мальчик вышел ночью во двор с собакой. Как раз где-то на маршруте того поезда. А утром ни мальчика ни собаки — только скелеты от них остались. Поэтому и называется «Поезд скелетов».

— Но они же с ним не уехали! — включилась Сашка. — Те, что в поезде, не скелеты, а убийцы. Я слышала про девочку, которая специально туда пошла. Ну, чтобы проверить, есть поезд или нету...

— Так это сверху надо смотреть, иначе не увидишь, — хихикнул Лёлик.

— Она и полезла на крышу. И увидела поезд. Он был чёрный и без окон. А потом у неё в семье кто-то умер. Без скелетов, обыкновенно.

— Через лагерь тот поезд, кстати, тоже идёт, — добавил Профессор. — Ну то есть шёл, когда ещё был поездом.

— Точно! Жаловало у нас, точнее в старой части, которая за стадионом.

— Вот где жуть — так это в старой части! — Лёлик даже вскочил. Это откуда он знает-то — неужели лазил туда? Или старшие успели рассказать...

— Там живёт белая пионерка, — говорю.

Нет, я не буду им признаваться, что ещё пару лет назад сама лазила с ребятами на эту старую территорию. Там правда жутковато, но здорово. Стены разрушенных корпусов изнутри расписаны посланиями из прошлого, типа «Васька дурак». Мы находили там всякую ерунду вроде разноцветных стеклянных шариков, советских игрушек и даже чей-то старый чемодан, огромный, целиком поместиться можно, и облезлый, как линяющий бегемот.

А снаружи на каждом шагу — обломки питьевых фонтанчиков, ошметки статуй пионеров с торчащими арматуринами там, где когда-то были руки-ноги-головы. Они ещё на постаментах, эти статуи, рассыпаются, но стоят. Мы пугали ими младших.

По лагерю тогда ходили легенды о белой пионерке, которая приходит по ночам и закалывает всех своей арматуриной, торчащей на месте отколовшейся руки... А мы бегали на эту пионерку смотреть днём и просили её, чтобы заколола кого-нибудь из самых вредных вожатых.

...А теперь вредная жоатая — это я. Хотелось разреваться от безнадёги и нахлынувших воспоминаний, но тут завопил Влад!

Он взвыл, как будто его укусили, откинул одеяло и усталился на какой-то комок грязи у себя в ногах.

Заржал Лёлик, заржали Лысый и Паша, девчонки повскакали с кроватей посмотреть, что там такое...

— Ну-ка тихо! Что там у тебя? — Я шагнула в сторону Влада — и увидела у него на постели лягушку.

Она ещё чуть шевелилась, но вид имела тряпичный и даже не пыталась ускакать.

— А чего она не упрыгивает? — спросил Лёлик.

— Ей тут нравится! — засмеялся Лысый.

— Тихо! — говорю. — Владик, ты ведь не сам её туда положил?

— Сам!

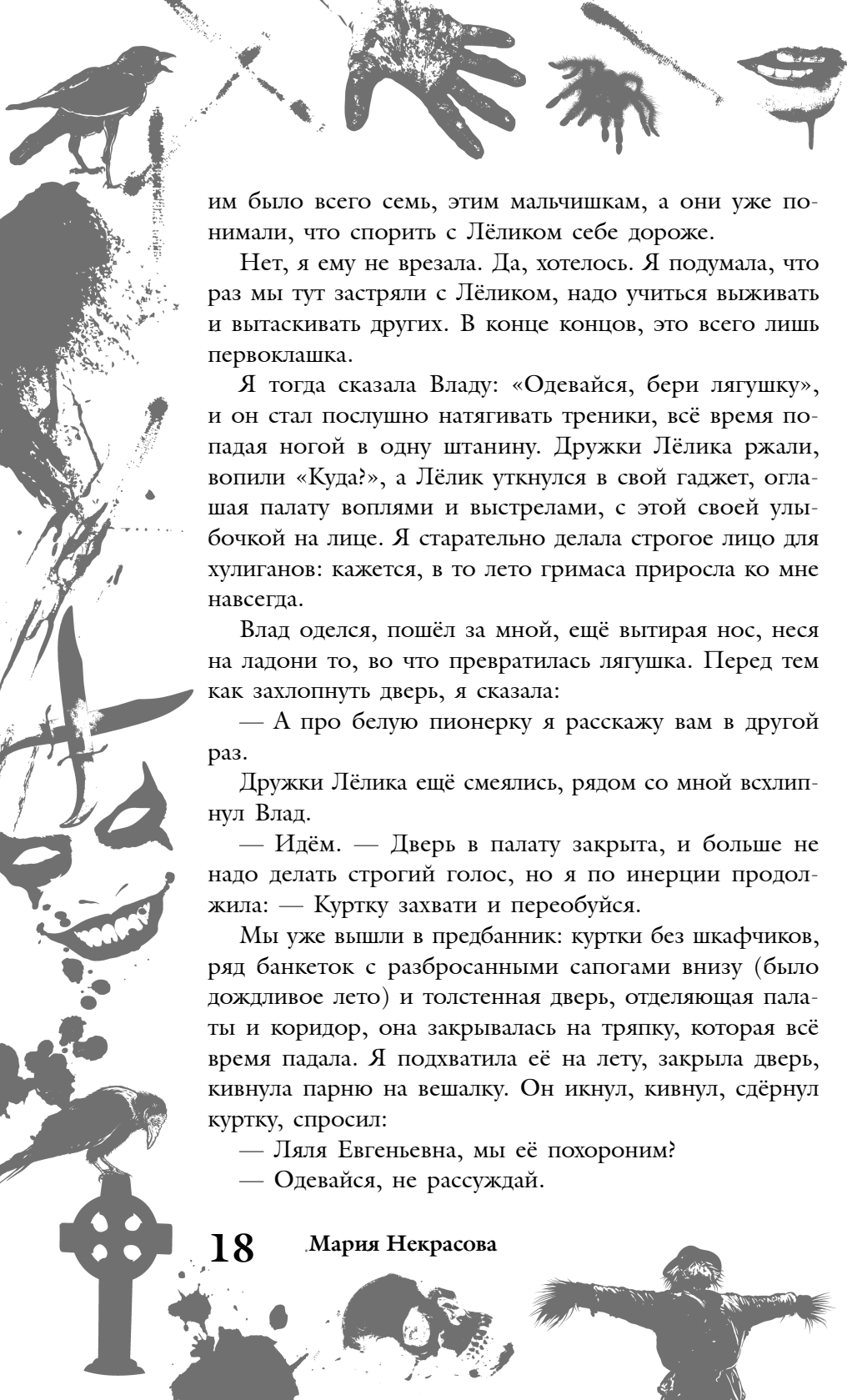
— Сам! — наперебой завопили Лёлик и компания. Всё-таки они ещё не умеют врать.

— А почему ты так думаешь? — Я уставилась на Лёлика суровым взглядом новоиспечённой воспиталки. На секунду даже это помогло: он отвёл глаза, видимо понавив, что сморозил что-то не то... Но только на секунду:

— Владик вам подтвердит, что взял лягушку в постель сам — правда, Владик? — Лёлик смотрел прямо на меня этим специальным взглядом из сериалов про бандитов: «Я знаю, что ты знаешь, что это я, а попробуй докажи! А докажешь — что ты мне сделаешь?»

...А самое обидное, что все смеялись, и Владик кивал, вот что. Кивал, наматывая сопли на кулак, протягивая мне безжизненную серую тряпку — обсохшую лягушку. Ей же всё время надо смачивать кожу, иначе... А Лысый, Паша и ещё один дружок Лёлика, Коля, орали: «Владик сам, он сам!» И Владик кивал, хрюкая и глотая сопли,

им было всего семь, этим мальчишкам, а они уже понимали, что спорить с Лёликом себе дороже.

Нет, я ему не врзала. Да, хотелось. Я подумала, что раз мы тут застряли с Лёликом, надо учиться выживать и вытаскивать других. В конце концов, это всего лишь первоклашка.

Я тогда сказала Владу: «Одевайся, бери лягушку», и он стал послушно натягивать треники, всё время попадая ногой в одну штанину. Дружки Лёлика ржали, вопили «Куда?», а Лёлик уткнулся в свой гаджет, оглашая палату воплями и выстрелами, с этой своей улыбочкой на лице. Я старательно делала строгое лицо для хулиганов: кажется, в то лето гримаса приросла ко мне навсегда.

Влад оделся, пошёл за мной, ещё вытирая нос, неся на ладони то, во что превратилась лягушка. Перед тем как захлопнуть дверь, я сказала:

— А про белую пионерку я расскажу вам в другой раз.

Дружки Лёлика ещё смеялись, рядом со мной всхлипнул Влад.

— Идём. — Дверь в палату закрыта, и больше не надо делать строгий голос, но я по инерции продолжила: — Курткухвати и переобуйся.

Мы уже вышли в предбанник: куртки без шкафчиков, ряд банкеток с разбросанными сапогами внизу (было дождливое лето) и толстенная дверь, отделяющая палаты и коридор, она закрывалась на тряпку, которая всё время падала. Я подхватила её на лету, закрыла дверь, кивнула парню на вешалку. Он икнул, кивнул, сдёрнул куртку, спросил:

— Ляля Евгеньевна, мы её похороним?

— Одевайся, не рассуждай.

Ещё несколько длинных секунд парень пытается попасть в рукава, перехватывая несчастную свою лягушку, икает и хлопает носом. Наконец выходим. Я толкаю дверь осторожно, чтобы не скрипнула, не хлопнула, хотя знаю, что бесполезно. Лёлик с бандой увидит в окно, что мы выходим, и всё доложит Хурме. Хурма меня убьёт, но мне уже плевать: я отчаялась дожить в лагере до завтра.

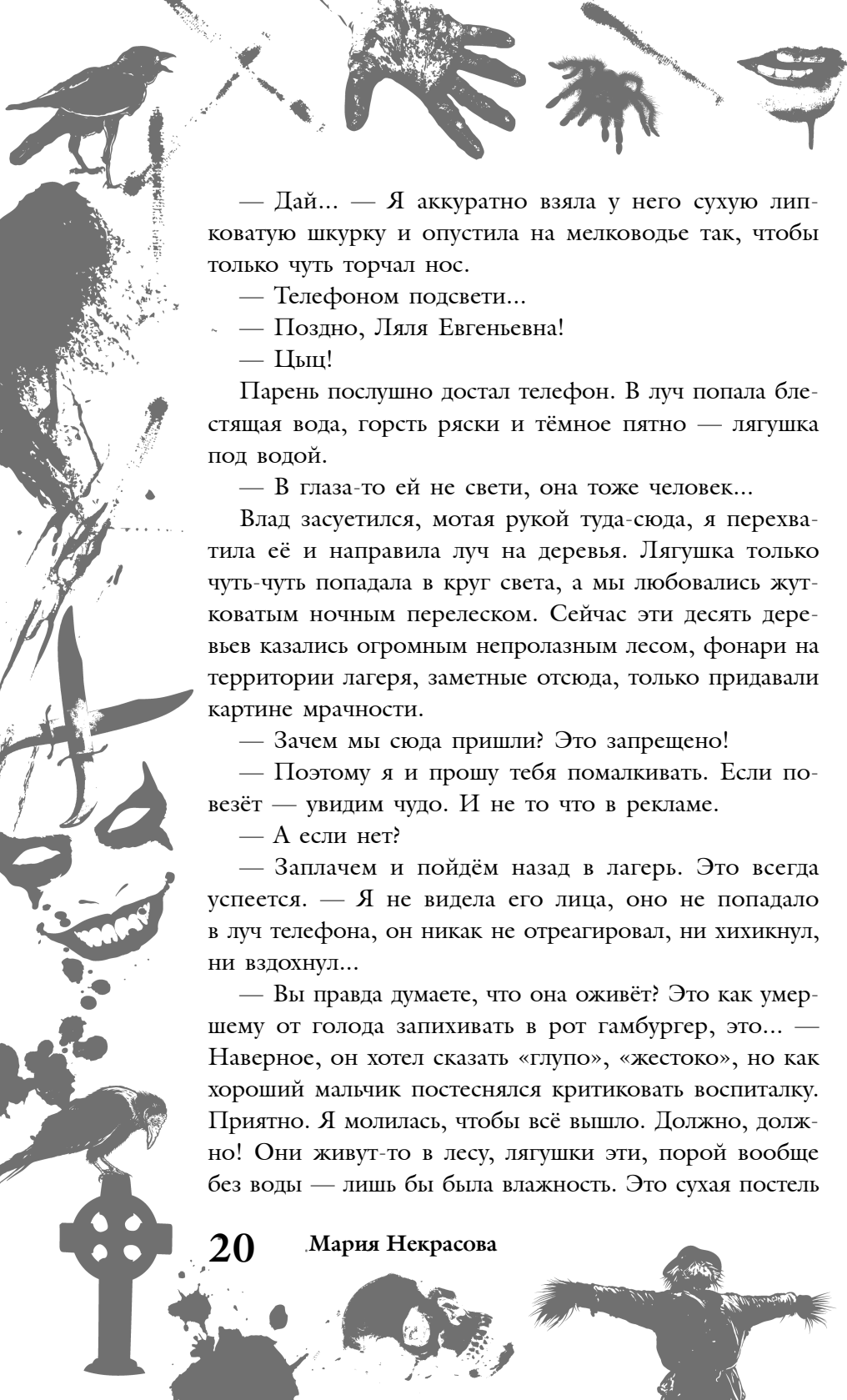
— Лёлику и банде ни слова! — шиплю Владу и бегу, пригнувшись под окнами, в сторону забора, отделяющего лагерь от мира взрослых. Я знаю, что он бежит за мной, так же согнувшись, и кивает земле у себя под ногами. Ну да, это запрещено — выводить детей за территорию, да ещё после отбоя. Лёлик обязательно на меня наступит. Ну и плевать. Больше всего я боялась, что они заметят, что Катьки нет (дети не видели, как она уходила, а я помалкивала). На войне как на войне: если рискуешь не дожить до утра, надо делать вид, что ты не одна, а за тобой армия, которая просто занята бумажной работой у себя в комнате, но всё-о-о видит и слышит! Хотя Лёлик наверняка в курсе... Скоро Хурма придёт!.. Плевать.

Я пролезла через дыру в заборе на глазах изумлённого Владика, приложила палец к губам и поманила за собой. Парень секунду поколебался (не каждый день воспитатели приказывают нарушать запреты), но послушно пролез следом. Пара десятков шагов по перелеску — и мы оказались на берегу маленького пруда (или болотца — кто их разберёт?), скинула куртку, уселась на мостки и кивнула парню:

— Садись.

Владик неуклюже сел, держа на ладони наотлёт свою лягушку.

— Дай... — Я аккуратно взяла у него сухую липковатую шкурку и опустила на мелководе так, чтобы только чуть торчал нос.

— Телефоном подсвети...

— Поздно, Ляля Евгеньевна!

— Цыц!

Парень послушно достал телефон. В луч попала блестящая вода, горсть ряски и тёмное пятно — лягушка под водой.

— В глаза-то ей не свети, она тоже человек...

Влад засуетился, мотая рукой туда-сюда, я перехватила её и направила луч на деревья. Лягушка только чуть-чуть попадала в круг света, а мы любовались жутковатым ночным перелеском. Сейчас эти десять деревьев казались огромным непролазным лесом, фонари на территории лагеря, заметные отсюда, только придавали картине мрачности.

— Зачем мы сюда пришли? Это запрещено!

— Поэтому я и прошу тебя помалкивать. Если повезёт — увидим чудо. И не то что в рекламе.

— А если нет?

— Заплачем и пойдём назад в лагерь. Это всегда успеется. — Я не видела его лица, оно не попадало в луч телефона, он никак не отреагировал, ни хихикнул, ни вздохнул...

— Вы правда думаете, что она оживёт? Это как умершему от голода запихивать в рот гамбургер, это... — Наверное, он хотел сказать «глупо», «жестоко», но как хороший мальчик постеснялся критиковать воспиталку. Приятно. Я молилась, чтобы всё вышло. Должно, должно! Они живут-то в лесу, лягушки эти, порой вообще без воды — лишь бы была влажность. Это сухая постель